

**В глубине
души**

Проза
Эры Ершовой

Эра Ершова

**самая
простая вещь
на свете**

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е80

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Ершова, Эра.

Е80 Самая простая вещь на свете : сборник / Эра Ершова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с.

ISBN 978-5-699-97870-0

История с женой оставила в душе Валерия Степановича глубокий, уродливый след. Он решил, что больше никогда не сможет полюбить женщину. Даже внезапная слепота не изменила его отношения к противоположному полу — лживому и пустому. И только после встречи с Людой Валера вдруг почувствовал, как душа его вздрогнула, словно после глубокого обморока, и наполнилась чем-то неведомым, чарующим, нежным. Он впервые обнимал женщину и не презирал ее, напротив, ему хотелось спрятать ее в себя, чтобы защитить от злого и глупого мира. Счастье Людмилы было тоже внезапным. Она уже давно ничего не ждала от жизни. Ей было без малого тридцать пять, и за все эти годы ни один мужчина не взглянул на нее иначе, как с сожалением. А сейчас Люда просто боялась умереть от нахлынувшего на нее счастья.

Чужое счастье, как правило, становится чьим-то горем...

В повести «Слепой массажист», как и в других произведениях, вошедших в эту книгу, Эра Ершова обращается к теме хрупкости человеческой жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97870-0

© Ершова Э., 2017
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2017

Благодетельница

1

Марина не планировала покончить с собой, под машину она попала случайно и, только оказавшись в больнице, вдруг поняла, что делать ей на этом свете совершенно нечего, и пожалела, что осталась жива. Лежа в палате на шесть коек, она вдыхала запах сырого больничного белья и думала, что этот запах плесени сопровождает ее всю жизнь и как нельзя лучше выражает суть ее существования. И действительно, любое ее начинание, любая попытка встать на ноги были как бы заведомо отмечены неувимыми признаками распада, тления. Раньше Марина обладала неисчислимым запасом энергии, оптимизма и после каждой неудачи спокойно начинала раскладывать свою жизнь заново, как пасьянс, который никогда не сходится. Подруги дивились ее жизнестойкости и выдержке, но, как говорится, жизнестой-

САМАЯ ПРОСТАЯ ВЕЩЬ НА СВЕТЕ

кость на хлеб не намажешь, и, хорошо понимая это, Марина работала над ситуацией.

Довольно рано она поняла, что стартовать ей в жизни придется с очень невыгодной позиции. Она не была, в отличие от своих подруг, дочкой благополучных родителей. То есть родители у нее были неплохие, но на этом все их достоинства заканчивались. Ни образования, ни денег, ни дач у них не было. Марина относилась к ним снисходительно, но с некоторым презрением и, тяготясь своим плебейским происхождением, в дом никого не звала и с друзьями семью не знакомила. Красотой Марина тоже не отличалась. Лицо у нее было никакое: нос большой, глаза маленькие, губы тонкие и какие-то вялые, а фигура и вовсе нелепая. Широкие плечи, абсолютно прямой торс, лишенный женственных изгибов в области талии, узкие бедра и вдруг, откуда ни возьмись, пухлые бабьи ноги с некрасивыми плоскими коленями и широкими щиколотками. Единственным украшением на этом странном туловище была пышная, как взбитая подушка, грудь. Но Марине и этого было достаточно. Она научилась, обходясь малыми средствами, из любой щели своей нелегкой судьбы извлекать молекулы счастья, и прекрасное это свойство озяряло ее унылую фигуру светом вдохновения. Едва уловимое свечение и неслыханное упорство были ее единственным капиталом, оружием и средством в достижении весьма скромных целей.

В двадцать лет, со скандалом разменяв жилье родителей на комнату в коммуналке и однокомнатную квартиру, она съехала в квартиру,

Эра Ершова

тем самым намного опередив своих благополучных подруг. В кратчайшие сроки квартира была обустроена с нищенским великолепием. Не имея средств на покупку журнального столика и кресел, Марина отпилила ножки у обеденного стола и уселась на таком же подпиленном стуле поджидать жениха. Но время шло, а жениха все не было. Были мужчины, которые, вопреки природному замыслу, находили Марину женщиной весьма приятной и чувственной, а учитывая ее хозяйственность и наличие жилплощади, некоторые даже задерживались надолго. Но при малейшем намеке на совместное будущее мгновенно исчезали и больше никогда не появлялись.

Окончательно измучившись долгими поисками, она наконец познакомилась с армянином, который был настолько худ, что даже очки в толстой пластмассовой оправе болтались на его костлявой голове. Армянина звали Вартан. В душе он был фотографом, но, не имея к тому ни образования, ни подходящей должности, временно работал дворником за московскую прописку. Быстро оценив ситуацию и поняв, что ждать больше нечего, тридцатник не за горами, Марина раскинула сети, в которые довольно быстро попался романтический дворник. Легко и бездумно он сочетался с Мариной законным браком и зажил на ее харчах, с каждым днем все больше расцветая и подходя буквально на глазах, как тесто в бадье. К этому моменту Марина уже закончила никому не нужный институт и работала неизвестно где и непонятно кем за нищенскую зарплату.

САМАЯ ПРОСТАЯ ВЕЩЬ НА СВЕТЕ

Вскоре после свадьбы Варган обнаружил нехватку средств и стал проявлять признаки беспокойства, которые выражались в повышенном внимании к Марининым обеспеченным подругам. Поняв, что на скромную зарплату мужа не удержать, Марина озадачилась поиском нового места. Она обладала крепкой рабочей хваткой и не терзалась никакими амбициями в смысле престижа и прочей ерунды. В работе ее интересовал исключительно заработок. К нормам морали у нее тоже было своеобразное отношение. Она считала мораль чем-то вроде плаття. Кому-то подходит узкое в горошек, а кому-то, наоборот, широкое в клеточку. «И действительно, — рассуждала Марина, — вон у Светки Мельниковой папа — дипломат. Конечно, ей ничего не стоит быть образцом нравственности. Она не пойдет в торговлю, и взятки ей не нужны. Зачем рисковать, когда и так все есть. А у меня никогда ничего не было. Не было, но будет. Я сама добуду все, что мне по рождению не додали».

Придя к такому умозаключению, она, недолго думая, устроилась на работу к узбекам в цветочный кооператив. В ее обязанности входила продажа цветов в ресторане гостиницы «Россия». Работа небезопасная, но денежная. Марина быстро научилась держать баланс на тонкой грани между правопорядком и криминалом, сообразила, с кем дружить, а кого сторониться, и вскоре деньги потекли в семью спокойным, ровным потоком. Варган обзавелся профессиональной камерой и, забросив лопаты и метлы, стал фотографировать все подряд, безо всякой выгоды для семьи,

Эра Ершова

но и без особого ущерба. Однокомнатная квартира расширилась до размеров трехкомнатной и стала стремительно наполняться дорогими, безвкусными вещами. Все шло прекрасно, пока чудесное развитие событий не было вдруг прервано одним непредвиденным обстоятельством.

Как-то раз, выходя с работы далеко за полночь, Марина была задержана сотрудником гостиничного отделения госбезопасности. Парень был свой, прикормленный, поэтому, нисколько не испугавшись, цветочница последовала за ним в кабинет, на ходу прикидывая, сколько ему дать, чтобы поскорее отделаться. Каково же было ее удивление, когда в кабинете обнаружилось еще двое сотрудников того же ведомства, но совершенно незнакомых. «Здесь что-то не чисто», — только и успела подумать Марина, когда один из парней, придавив ее чугунным взглядом, протянул руку и вежливо сказал:

— Вашу сумочку, пожалуйста.

— О господи, зачем же так серьезно? — попыталась пошутить Марина и протянула пузатую кожаную сумку.

— Вы нам ничего не хотите сказать? — поинтересовался молодой человек тоном, не допускающим никаких фамильярностей.

— Что вы имеете в виду? — пролепетала Марина, чувствуя предательскую слабость в ногах. — Можно присесть? — Она нащупала рукой стул и, не дожидаясь разрешения, опустилась на него.

Тем временем чекисты принялись препарировать содержимое сумки, склонив головы, как хи-

САМАЯ ПРОСТАЯ ВЕЩЬ НА СВЕТЕ

руги над операционным столом. В Маринином сознании лопнула какая-то пружина, и страх со звоном рассыпался по телу, доставая до самых периферийных точек. Ее мутило. Она была почти без сознания, когда крепкий детина затряс перед ее носом пачкой валюты, торжествующе выкрикивая номера статей Уголовного кодекса.

— Ничего не понимаю... — бормотала Марина, умоляюще глядя на Серегу. — Сереженька, миленький, что происходит?

— Ну, во-первых, не Сереженька, а Сергей Николаевич, — нагло поправил ее Серега, — а во-вторых, сейчас все объясним. На-ка вот, выпей, — он протянул Марине граненый стакан с коньяком. Марина выпила стакан до дна, как воду, и, сразу почувствовав облегчение, выжидающе уставилась на Серегу.

— Марина Васильевна, — услышала она мягкий, вкрадчивый голос. Серега и тот, который забрал сумку, расступились, и она сумела разглядеть третьего. За столом сидел пожилой мужчина, подчеркнута заурядной наружности, в безобразном костюме, с серым обрюзгшим лицом. Он уныло постукивал по столу костяшками пальцев, как игрок, которому опротивел бездарный, постоянно проигрывающий партнер. — Вы же понимаете, Марина Васильевна, — прошептал он нехотя, как бы рассуждая сам с собой, — мы вас сейчас на пять лет оформить можем с конфискацией, а можем...

— Как вас зовут? — прервала его Марина.

— Петр Григорьевич. — В глазах чиновника мелькнуло вялое любопытство.

Эра Ершова

— Петр Григорьевич, что я должна делать? — спросила Марина и посмотрела ему в глаза твердо, со значением.

Пару мгновений чиновник изучал обращенный к нему взгляд, прикидывая и соображая, потом он устало поднялся, взял в руки потрепанный кожаный портфель и, уже подойдя к двери, проворчал тепло, по-отечески:

— Вот умница, девочка, ребята тебе все растолкуют. До свидания.

Петр Григорьевич вышел, а Марина осталась с двумя парнями, которые, сразу поменяв тон с подчеркнуто вежливого на хамовато-свойский, разъяснили ей суть дела.

Чекисты давно хотели избавиться от бабаев (так они называли узбеков, владельцев цветочного бизнеса), которые, сильно разбогатев, обнаглели и перестали делиться. Марине, как лицу, посвященному в дела кооператива, предлагалось посодействовать властям.

Понимая безвыходность своего положения, Марина согласилась. Без особого труда она выкрала из сейфа необходимый компромат и, сдав его Сереге, стала ждать. В воскресенье вечером в зале ресторана появился хозяин. Это был узбек огромного роста и сказочной толщины, с лицом, похожим на срез сырого мяса. Пыхтя и раздвигая руками стулья с гостями, он надвигался на Марину, как разъяренный дракон. Понимая, что сейчас произойдет нечто ужасное, Марина попыталась загородиться цветами. Хозяин подлетел к полуживой от страха цветочнице и, вы-

САМАЯ ПРОСТАЯ ВЕЩЬ НА СВЕТЕ

рвав у нее из рук охапку роз, стал хлестать ее колючими стеблями на глазах у всего зала. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы двое военных, которые пришли поужинать, не отбили Марину у озверевшего бизнесмена. Ополоумев от ужаса, Марина бросилась к выходу. Разорванная одежда болталась на ней, напоминая костюм Арлекино, а вслед огненным шаром катился рев узбека с обещаниями самой жестокой расправы.

Всю ночь Марина прорыдала в объятиях Вартана. Он гладил ее по волосам и как-то отчужденно бормотал:

— Ничего, мышонок, ничего, все образумится.

— Ты что, сумасшедший? — яростно всхлипывала Марина. — Какой там образумится! Ты что, не понимаешь? Они же нас убьют! Хорошо еще, если перед смертью на куски не порежут.

— Ничего-ничего, — продолжал Вартан, все больше уходя в себя.

Наутро он отвез Марину в больницу, залечивать последствия избиения, и, сдав на руки врачу, ушел, пообещав вернуться к вечеру.

К вечеру он не появился. Не появился и на следующий день. А когда через неделю Марина вернулась домой, то не обнаружила в квартире ничего, кроме голых стен. Все, даже унитаза и раковину унес с собой хозяйственный армянин, исчезнув бесследно.

Марина просидела весь день на полу в пустой кухне. К вечеру она поднялась и пошла на улицу, без всякой цели и без единой мысли в окаменев-

Эра Ершова

шей голове. Улица, как всегда, оживленно гудела. Марина долго толкалась среди человеческих тел и навязчивых огней, брела по каким-то переулкам, не разбирая пути. Пошел дождь, по-осеннему злой и холодный. Прохожие, прячась от непогоды под большими зонтами, с удивлением поглядывали на промокшую насквозь женщину, бредущую по щиколотки в ледяной воде, на секунду обращали к ней недоуменные лица и неслись дальше в свою благополучную жизнь. Марина шла и шла, ничего не замечая. Она помнила лишь резкий свет фар, полыхнувший ей прямо в лицо, и визг тормозов, унесший ее в приятную пустоту. Правда, она успела подумать, что умирает, и отметить в угасающем сознании, что это хорошо.

Теперь, лежа на неудобной кровати с продавленным матрасом, Марина испытывала чувство разочарования. Она безучастно смотрела в потолок. Жить не хотелось. Мысли плавали в голове, пустые, как мыльные пузыри, и, не успев наполниться содержанием, лопались с легким, приятным звуком.

— Обход! — послышался протяжный крик из коридора.

Дверь открылась, и в палату ворвался юный доктор в сопровождении нянечки и медсестры. Доктор был Марине неприятен. Своей худобой и очками он напоминал Вартана, его резкие движения вызывали у нее головную боль и тошноту. Молодой человек подошел к первой койке в правом ряду.

САМАЯ ПРОСТАЯ ВЕЩЬ НА СВЕТЕ

— Ну, как дела, красавица? — воскликнул он и ободряюще встряхнул синюшную лапку бомжихи. Бомжиху нашли в сточной канаве, где она сладко грезила в алкогольной истоме и при этом чуть не захлебнулась в жидкой грязи. На ее лице не осталось ни малейших признаков, по которым ее можно было бы отнести к роду человеческому. Она явно не понимала ничего из того, что ей втолковывал врач. В конце обследования она молча приподнялась на локтях и, натянув на лицо идиотскую улыбку, стала мочиться под себя.

— Вот паразитка! — закричала нянечка.

— Что такое? — не сразу понял врач.

— Все время ссыт под себя! — Нянька схватила бомжиху за загривок и, легко приподняв ее, хорошенько встряхнула, как кошка нерадивого котенка. — Выпишите вы ее, доктор, бога ради, замучила она здесь всех!

— Нельзя, Лидия Сергеевна, — покачал головой врач. — Куда ее сейчас на холод? Она же помрет.

— Да кому она такая нужна! — воскликнула в сердцах нянька и шмякнула тетку на кровать. Бомжиха весело подпрыгнула на пружинах и как зверек полезла под мокрое одеяло.

— Ну, вот что ты будешь делать! — всплеснула руками нянька и принялась менять испорченную постель.

— Та-ак, а здесь у нас кто? — Врач заглянул в заботливо подставленную медсестрой историю болезни. — Усатова, очень хорошо, — он весело

Эра Ершова

потер руки, как будто собирался выпить и закусить.

Марина посмотрела на него с нескрываемой ненавистью. «Чего он так радуется?» — подумала она и закрыла глаза.

— В рубашке, просто в рубашке родилась! — услышала она ликующий шепот врача. — Надо же, смерть рядом прошла и не задела, только погладила.

Доктор цепко держался за Маринино запястье, и она чувствовала, как под его пальцами оживает пульс.

— Ну-с, как дела? — поинтересовался он.

— Спасибо, лучше, — ответила Марина, с трудом сдерживая раздражение.

— Вы, голубушка, через недельку домой пойдете, — объявил доктор и, оттянув Маринино веко, посветил ей в глаз фонариком.

В Марине вскипало бешенство. Необъяснимо, но почему-то за все свои неприятности она сейчас ненавидела этого юного, но уверенного в себе врача.

— А почему вы, такой молодой человек, разговариваете, как будто образование еще до революции получали? — наконец не выдержала она.

— Что вы имеете в виду? — опешил врач.

— А вот это — «ну-с», «голубушка», — к чему все это? Нельзя ли попроще?

— Я, право, не знаю...

— Ну вот, видите, опять — «право»... — Марина выговорила это слово, ехидно скривив лицо. —